

Н

е предполагал, что придет время и появится книга, которая окажется не только на редкость крепкой, правдивой, но — концептуальной. В наши дни при всем обилии мелких тиражей, направлений и замыслов подобное явление само по себе удивительное, редкое. Роман Александра Кердана «Царь горы»¹ с полным правом можно назвать переосмыслением в чем-то трагической, а в чем-то счастливой человеческой судьбы, мастерски уложенной в строки.

Сюжет романа прост, даже незамысловат, на первый взгляд. В самом начале мы встречаем двух мальчишек: они — друзья и в то же время антагонисты. Противостоят друг другу не намеренно, а так устраивается и причудливо протекает их жизнь, так непредсказуемо вершатся их судьбы. Читая роман, вспоминаешь это время, которое многие из нас застали, — необычайно сложное и противоречивое.

Один из друзей-товарищей — Виктор Борисов, «Бор», сын добросовестного служивого прапорщика и матери-рабочей при заводской кухне. От его имени ведется повествование. Он «стартует» в марафоне жизни, как едва ли не все в советской действительности, со среднего

¹ Кердан А.Б. Царь горы: Роман и рассказы. — Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2020.

положения. Он, его семья — одни из многих и ничем не выделяются в среде подобных людей той, советской эпохи. Разве только сердечным талантом Бор награжден — совестлив, простодушен. И умом вроде бы не обделен, способен к точным наукам: математике, физике. Семья весьма среднего достатка, и от ее положения в социуме многое зависит в судьбе сына.

Другой — его погодок Николай с громкой фамилией Царедворцев — сын Героя Труда, металлурга, внук известного деда-шахтера. Здесь завязывается тот узелок, который немало откроет в сюжете книги и в судьбе страны. Николай для продвижения по жизни подготовлен неплохо: оснащен нужными знакомствами и протекциями через отца и мать. Все заранее готово для того, чтобы он одержал убедительную победу в соревновании с любым из школьных товарищей. Здесь за текстом многое присутствует невидимо, непримечательно даже поначалу. «Гордость привилегий», как у богов Олимпа, благополучно и честно не скрывается. Семья и ее окружение открыто гордятся Царедворцевым-старшим, отцом семейства с обширными связями. Мама Николая — тоже не последний человек в областном городе, с рангом и статусом. Но так ли существен был он тогда, да и, по большому счету, важен ли вообще — особенно в России? Ведь не внешние возможности, а внутренние достоинства и нравственную жизнь многие русские философы и писатели считали приоритетом.

Книга «Царь горы» ставит под вопрос привычные, казалось бы, обстоятельства. Мы не слышим, как родители Царедворцевы напутствуют сына, поскольку автор строит свой текст не прямолинейно. Откровенность диалогов и поступков замедлила бы сюжет, повлияв на динамику романа, и в конечном счете упростила бы и исказила действительность. Ведь в советские годы было очень важно даже не то, каких авторов изучали на уроках русского языка и литературы, как преподавались школьные предметы «из истории» своей стра-

ны. Куда веселее — ЧТО и КАК говорили родители своим чадам в ту пору дома, на кухне, когда их никто, кроме своих, семейных, не слышал. Личный пример отца и матери значил очень много. Образовывала молодое поколение семья, а не школа или вуз, не пионерия и комсомолия, хотя многим казалось, что это именно так. Николай Царедворцев уяснил одно: для того чтобы руководить и получать высокие награды, необходимо отличаться от всех. Вот одновременно загадка, тема и ключ этой книги: дилемма «жить как нужно» или «жить жертвенно» — как Овод или Пашка Корчагин. Если сравнивать судьбы Виктора и Николая, здесь же и разгадка. Главное — не выдуманное, а подлинное положение в стране накануне «перестройки с ускорением», как и объяснение тому, что произошло после девяностых. В том, что именно говорил сыну Герой Труда (бывший металлург, а ныне высокий партийный начальник) между тяжелейшими авралами своей работы, видятся причины и наметки будущего страны. Здесь цена всем вымпелам, наградам, званиям, должностям как Николая — будущего удачливого полковника, прозаика, главного редактора, — так и его товарища — Бора. Тут секрет и скорого продвижения по службе Царедворцева-младшего.

Впрочем, в этом отборе из рабочего люда — из престолярды — лучших и в превращении их в героев и руководителей, конечно, тоже были свои тайны и своя политика, проводимая советским и партийным чиновничеством. Боялись повернуть «не туда» даже при отборе и чествовании героев труда и войны. И если уж дали одному орден и подучили, что и где следует говорить, — тогда ему, орденосцу, цены нет: он сам или его сын обязательно «выйдут в люди», станут «царями горы». Повелось так: не по рангу, не по заслугам награждать, а по возможностям и по близости к награждающему. Придет время, когда награжденный и сам чествующих его сегодня наградит, в недалеком будущем. Пусть же и остается в профессии не шахтера

или ставлара, а «профессионального героя труда» — или двигает в высокие чиновники. А трудягу в ватнике, работающего не хуже, а порой и лучше избранного орденосца, — не заметят в упор. Вот эта неправда, это двуличие и подломили великую страну. «Домострой» на новый советский лад не удосужились написать, а «Кодекс строителя коммунизма» вдруг перестал работать. Строили развитой социализм, но не услышали треска падающих лесов, подпорок и скреп... Угрозы развала «шестой части Земли» не увидели даже опытные политработники. Кстати, Николай и Виктор свяжут свои судьбы с военными политическими училищами, а их выпускники были тогда не номинальной, а вполне определенной частью советской элиты.

На честных и принципиальных в восьмидесятые годы стали смотреть, особенно на собраниях, косо: скорей бы домой, в семью, к телевизору — или в пивную. В семьях офицеров, силовиков, высоких чиновников двойная мораль была тем ярче и заметнее, чем выше должность занимал дед, кум, сват, отец или брат. В действительности среди назначенных «честными и принципиальными» остались в ту пору на виду и на плаву одни «царедворцевы» — то есть витрина, антураж. И вот здесь находки автора «Царя горы» бесценны.

Да, так и было, едва ли не все — на показ. Вектор движения к «победе коммунизма во всем мире» остался прежним, но перенаправили его теперь на себя любимых. А когда это случилось, никто и не заметил. И стали жить не для страны, а для себя и для своих. Принялись массовым порядком строить не государство равных возможностей, а успешную собственную карьеру. Индивидуалисты-карьеристы взяли правление в свои руки, натянули гужи — и уже не выпускали. В самые верхи выдвинулось похожее племя — подобрались подобные к подобным. Оттого и смута заходила в СССР, медленно, годами нависала она, как черная гроза над горизонтом.

Автор убедительно показывает это на примерах нескольких судеб, нескольких семей. Да, смотрели еще с гордостью фильм «Офицеры», где профессия, и бесспорно главная, — родину защищать. Но уже иронизировали и смеялись едва ли не в голос над строками известной песни «Жила бы страна родная, и нету других забот...». Чинуши и чиновники не теряли времени: вобразились на возвышенное место по тыльной, спокойной стороне горы (как ребятишки в начале романа, поведением которых так удачно автор намекает на рукопашную в верхах), а всех остальных — сбросили. Да и по сей день неугомонно сбрасывают вниз тех, в ком видят хоть малейшее противоречие своей «валентности» и тем паче угрозу своему привилегированному положению.

Без оглядки на иных достойных авторов и на мнения литературного бомонда, общественные разногласия и разномыслие, на противостояние или, напротив, дружбу каждый, прочитавший книгу Александра Кердана «Царь горы», уж точно не останется внакладе. Недоразумений не возникнет ни у кого из читателей — ни у «левых», ни у «правых»: это книга многих достоинств, ее трудно переоценить. Роман вынашивался, наполнялся наблюдениями, раздумьями, размышлениями тридцать лет.

«Царь горы» прочитался в один день. Вот, например, как автор описывает перелет в Кабул на транспортнике-самолете Ил-76.

«Рядом с Борисовым оказался вертолетчик капитан Николай Гаверилов, летевший в Афганистан во второй раз. Откинувшись на стеганую обшивку сидения, он со знанием дела отвечал на вопросы новичков.

— Как там «за речкой»? Стреляют часто?

— Бывает...

— А где лучше к нам местные относятся?

— Там, где нас нет...

Внизу мелькали хлопковые поля, зеленые кроны чинар и свечки тополей.

Вдоль горной гряды извивалась коричневой змеей река.

— Это — Пяндж. За ним — граница! Вот мы и в Афгане, — то и дело тыкал рукой в иллюминатор улыбочивый Гаврилов.

Но скоро земля скрылась за пеленой облаков. Борисов, прильнув к иллюминатору, с любопытством наблюдал за «небесными странниками», пока средние облаки не стали появляться проплешины и не замаячил новый, непривычный пейзаж: плотно прилепившиеся друг к другу дома с плоскими крышами, убогие поля, разделенные глинобитными дувалами, островерхие горы, на которых, несмотря на лето, дымился снег... Прорывались сквозь небесные хмари, на неприступные склоны падали солнечные лучи, и снежные пики мерцали разноцветными искрами, как дорогое ожерелье, накинутае Аллахом на плечи южной красавицы.

В какой-то миг Борисову показалось, что стайка мерцающих искр устремились прямо к самолету, но Ил снова нырнул в облака...».

И далее в романе «перезагрузка». Вновь прибывшие прапорщики и офицеры освобождают Ил-76, выходят на бетонку. В самолет тут же загружают убитых и раненных.

«— Так точно. Цинковые гробы в деревянных ящиках упакованы, чтобы не повредить при транспортировке... — пояснил Гаврилов. — А ты заметил, что по нам из ДШКа влупили, когда мы над Хазараджатом летели?»

— Видел какие-то искры со стороны гор...

— Значит, испугаться не успел... — усмехнулся Гаврилов. — Побудешь здесь, научишься искры от выстрелов отличать...

— Так, выходит, нас могли сбить? Гаврилов покачал головой:

— Нет. Эшелон, на котором мы шли, для ДШКа недосягаем. Духи просто так, от бессильной злобы пуляли! Вот если бы у них «Стингер» под рукой оказался, тогда бы нам никто не позавидовал».

Напряжение, с которым передан перелет Бора в воюющий Кабул, — это подлинность состояния перелета во враждебный стан. Не зря говорят: «Кто в море не бывал, тот Богу не маливался». Для тех, кто повоевал, такие страницы бесценны особым погружением в пространство «между Сциллой и Харибдой» с полным доверием к материалу. Если только можно назвать материалом само бытие человека, офицера, война на этой земле.

Таких сильных, пережитых, убедительных — настроением, правдой, глубиной, — промеренных как бы глубоко-водным шестом совести и воли автора страниц в романе множество, он соткан из них. «Окунувшись с головой в правду — врать не станешь», — справедливо говорят в народе. Взявшись за серьезную книгу, волей-неволей стряхиваешь всю шелуху, все наносное, пустяшное — остается Правда. Вроде бы легко и наскоро написанный без претензий на исключительность роман «Царь горы», несомненно, займет особое место в литературе подлинной.

Описание спасаемого офицерами блокпоста от груженного под завязку взрывчаткой грузовика, направленного на ворота комендатуры, — тоже незабываемо. Так же проходишь сквозь сомнения и дрожь вместе с Бором к автобусу с моджахедами... И какой же несамостоятельной забавой кажется на фоне этих жизненных реалий игра в прятки с историей, готовность в разных тональностях и амплуа ругать наше общее прошлое!.. А именно такой игрой представляются нескончаемые попытки поражать даже самое уважаемое жюри все новыми и новыми «филологическими находками», говорящими о «безнадеге системы» и, конечно, о наиболее бездушном и бесчеловечном времени СССР — об этом особенном 1937 годе. Какую «премиальную» книгу ни возьми — все об одном. Незамысловато устроена нынешняя жизнь литературного истеблишмента: желаешь известности и премий — пиши о 37-м или о разгроме СССР в 41-м. Но вот опубликован роман

«Царь горы» — и это яркий пример прозы не для красного словца или пустого интеллектуального развлечения.

Литература русская своим истоком — вся из святоотеческих писаний, из монастырских отечников. Оттого тяга к реализму, к правде, серьезное отношение к слову всегда были на Руси органичны и ценимы, а забава и хохма никак у нас не приживаются. Сколько их сегодня, писателей, никогда не бывавших ни в узах долгих, ни в обителях соловецких или на Колыме, ни в таежных местах Красноярска — но целые тома о том написавших... Ладно бы краеведческие или историографические, нет же — сплошь художественные сочинения с претензией на подлинность, на правду. А как выбрать? Какую правду читать? Ведь выбор, по сути, поучителен: поиск смыслов и обогащение или трата времени и жизни. А жизнь человеческая и без того недолга.

Образ Китежа-СССР — интересен, поучителен, увлекателен. Но чтобы найти Китеж, как известно, нужно верить, помнить и знать — знать неподдельное и неприглаженное, знать для жизни, для дела, для будущего. Дорога правда именно тем, что она несет зримый, ясный, осязаемый опыт. Не опыт придуманных Имитаторов, Авиаторов, Виолончелистов-Альтистов-Капельмейстеров, Учеников чародея, чапаевых с пустотой, имя коим — легион. Не опыт сюжетов, основанных на бесовщине или увлекательно выстроенных на надуманных идейках и смыслах, проистекающих из одного и того же корня — из ненависти к стране и к хозяину, к русскому народу...

Роман «Царь горы» — книга нынешнего, сего дня. В такой книге невозможно врать. Небылицы — удел сочинителей, готовых утащить за рукав в сторону читателя и нашептывать ему на ухо про «каменные мосты»: блуждая по ним, отыскивать родственников, след которых потеряны на Лубянке. Или — бродя по каменным мостам, сочинять о надуманных алхимиках, не бывших, не живших и по состоянию духа никак не

могущих быть ни в «авиаторах» в 37-м, ни в «монахах» XV века...

Нестерпимо, невыносимо, непереносимо «поднимать на попа», как говорят в народе, грязненькое и пошловатое сконструированное прошлое и, перевернув его комлем вверх, радоваться «новизне» сказанного до тебя уже десятки раз, умиляться, сравнивая надуманное с днем сегодняшним.

Так в чем же **фокус** именно этой книги (фокус — как точка наведения цели или схождения пучка лучей)? Казалось бы, в романе Кердана — современные типы, которые известны и понятны нам, сегодняшним, живущим в этом, еще не прошедшем времени. В книге как будто все то же, что продавали нам более тридцати лет, начиная с 90-х, выдавая за правду. То же, да не то! Вот именно этим книга Кердана увлекает и ведет за собой: отличием истинного изделия от подделки и подделки. Именно этим она и дорога серьезному читателю, молодому и старому, представителю любого поколения, ищущему правду. Ответ тут прост и открыт не мной, его сформулировал еще в XIX веке Оноре де Бальзак: «Секрет всемирного успеха — в правдивости». В следующем столетии его поддержал наш Василий Макарович Шукшин, сказав, что если писатель желяет, чтобы его слушали и слышали, он «должен макать свое перо в правду».

Роман возвращает нас к самим себе, к тому времени, когда едва-едва началось разложение и разделение великой страны, расслоение на «царей» и «охлос». Разлом этот, случившийся не вдруг, готовился десятилетиями. И вот страну раскрошило — не собрать. Но почему? Причины краха СССР — внутренние, по-человечески понятные. Но, когда читаешь роман «Царь горы», видишь вполне отчетливо, что великая геополитическая катастрофа — не от случайностей, не от ошибок... Не от введений войск в Чехословакию; и не потому, что советская власть дискредитировала и унизила себя криками Хрущева в Манеже; не от негровиальных писем Солженицына, обращенных к за-

падному потребителю. СССР распался не из-за догадок предателей Резуна-Суворова или Калугина, не волшебством гениального провидца и проводника-талмудиста М.А. Булгакова. Вся суть распада СССР была во внутреннем человеке, то есть в нас самих. И читая книгу Кердана, отчетливо понимаешь: автор сказал главное, о чем не говорили до него так ясно, образно, на примерах характеров и судеб.

Трагедия СССР, следуя логике автора, заключалась в одном и в главном: в разделении мировоззрений советских граждан. Разделение их на избранное меньшинство, приладившееся, устроившее себя и детей, — и на 225 миллионов прочего населения, которое обходилось малым. Но ждало и верило, живя и в этом — не узком, но суженном, промозглом и малом — пространстве, как в загоне для скота. И все же верило в гораздо более справедливое общество, не понимая, что для «царей горы» они уже и не люди, а так, забавные млекопитающие... Два этих мировоззрения никак не срастались, не вязались одно с другим. Но ведь люди и жили, и верили — в социализм, коммунизм. Одни честно работали, честно воевали, не искали сладкого и легкого. Другие же, царедворцевы, желали сладкой жизни исключительно для себя и для своих детей, и вовсе не когда-то потом, в прекрасном будущем, а сегодня, сейчас. Вот причины истинного разлома, развала, разреза — как его ни назови. Конфликт мировоззрений нагнетался, собирался десятилетиями. И именно здесь подлинная причина «геополитической, величайшей катастрофы XX века». Роман убедительно, доходчиво доносит до читателя мысль, что раскол произошел именно по внутренним убеждениям. И доказывает каменную твердость и правду той мысли, что раскол зрел давно, длился десятилетиями и пролегал даже по семьям — и сквозь семьи.

Известно среди литературоведов, что и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына был написан именно по той же причине: как бы в отместку. Никогда бы «ГУЛАГ»

не был даже черне написан, если бы автору вовремя дали литературную Ленинскую премию за публикации в журналах. Премию эту он очень желал и мог бы получить, но не вышло — не одобрили в ЦК. А до этого обошли с премией Ленинского Комсомола: не проходил он уже в то время по возрасту — на ту пору ему уже за сорок было. И не тогда ли, не с обиды ли он и пожелал большего? И гораздо большего: славы, валюты, полной свободы... По точному кердановскому определению, пожелал стать «царем горы». То есть пожелал и стал врагом Страны Советов, особенно же — и в первую очередь — врагом коммунизма. Даже писатель такой величины, прошедший многое в своей жизни, — и тот нашел естественным и необходимым обидеться и начать мстить. Что уж говорить о других, рядовых царедворцевых?

Но обида была лишь одной из причин нравственной деформации. В романе прочитывается, что никакой подобной обиды, как и никакого базаровского цинизма, «нигилятины» у Николая Царедворцева и в помине не было. Не было и геройства. Все проще. Такой человек в СССР (а это конец 80-х годов) стал «человеком разумным»: он уже не участвует в субботниках, воскресниках, «досрочных» пятилетках, а если участвует, то лишь для видимости, профформы. Он находит себе подлинное место в схватке за «вершину горы». Честная жизнь, а тем более энтузиазм становится уделом заурядных, на его взгляд, людей — «младших братьев по разуму». Разумный человек заходит сзади, с тыла горы. Свободно и незаметно карабкается наверх. Через своих или таких же, как он сам, разумных. И сталкивает всех остальных, не нужных, мешающих ему, сопротивляющихся — сталкивает всем скопом. Он один на вершине — так он видит себя. И помогая продавать деду помидоры на городском базаре, и совершая заведомо никчемную вылазку с разведротой в Афгане, — хранит одну мысль: кто овладевает высотой — но не горной, а карьерной, — тот и получает все.

И здесь автору удалось очень точно схватить этот важнейший момент — овладение ситуацией. Отнюдь не честь, не чувства здесь в цене, не монологи тургеневских барышень и прекраснотных дворян, не мудрствование толстовского Поликушки или умиротворяющее бурчание горьковского Луки о «недеянии» как о смысле жизни. Автор книгой своей открывает нам причины сущностного противостояния — не то что народов, наций или мировоззрений, вовсе нет, — а людей одного поколения, ближайших друзей, вдруг разделенных на «элиту» и «народ».

Если народ и элита врозь — это очень серьезно. И заметно это стало в конце 80-х. Серьезность разногласий была доказана кровавыми девяностыми не только стрельбой по Дому Правительства, о чем так пронзительно сказано в рассказе Александра Кердана «Экипаж машины боевой», где полковник-отставник с удивлением и трепетом близкой смерти ждет выстрела из танка по «белому дому» от своего же ученика. И, как человек бывалый, предполагает неисчислимы разрушения, все же надеясь, что до стрельбы дело не дойдет: ведь это центр Европы, Москва, а под прицелом танков — избранники народа. Но стрельба начинается...

Роман уносит нас в личные воспоминания о важном и дорогом, о тех, кто рядом с нами и сейчас, или — о ближних того времени. В воспоминания о не забытых еще товарищах заставляют заново погрузиться калейдоскопы их судеб. В разных формах и ракурсах автор показывает детали армейского быта, развенчивает мифы о службе, глубоко вскрывает сущность двух войн...

Отдельная сюжетная линия — орнамент непростых семейных отношений Николая и Виктора. Трагический разлад в первой семье Бора из-за гибели малолетней дочери, попытка построить свое счастье на несчастье другого — увести из семьи замужнюю Майю... И здесь тоже явны параллели с изменившимися принципами общественной жизни, с изменением роли женщин в ней. Читая

роман Кердана, понимаешь, что правила вежливости и достоинство терпения в подобных обстоятельствах отходят на второй и даже на третий план. Жизнь куда сложнее и теперь устроена по принципиально иным, чем прежде, до 80-х, правилам. Но одно в ней осталось неизменным: полное равнодушие «царей горы» по отношению к тем, кто пребывает внизу или сброшен вниз, но находится еще в себе силы не сдаваться и карбачкаться наверх...

Уже в то, советское время поступались принципами. Уже тогда «элита» и остальные были людьми разных формаций. Одних совсем скоро с позором окрестят «совками» за их наивность и доверие властям, а скептиков и маловеров советских назовут «новой российской элитой». Те, кто тогда уже был наблюдателен и умен, назвали эту элиту «просвещенным мещанством». М.П. Лобанов, например, еще в 1968-м уже почувствовал этих «царей горы», а также стремление низов в это «царство». «Совки»? Не знаю, не убежден. А вот то, что среди них многие были проповедниками социалистического мироустройства — это верно. Ими, по большей части, они остались и сегодня. И всем внутренним устроением, моралью своей читатели и писатели давно уже — в рядах разделившихся и разделенных. Вот почему особенно ценна книга Александра Кердана для молодых, не хлебнувших жизни прежнего времени. Мне представляется, что назначение книги «Царь горы» — примирять и беречь своего читателя, восстанавливать разрушенный мост между прошлым и будущим.

Бурно и стремительно, как река Пяндж, разделившая в 1980-е СССР с соседним Афганистаном на территории «мира» и «войны», увлекает книга Кердана нас за собой, уносит в недалекое (или уже и не близкое) прошлое. Эта река, которую на пути в Афганистан с борта самолета видит повествователь, эта мутная грязная река «змеит-течет» среди гор, откосов, отрогов — и уводит современного молодого читателя в иную

реальность, в нашу молодость — опасную, заминированную. Заминирована была она и Афганистаном, и бандитским разгулом в стране, и Чечней. А до того — Карабахом, Узбекистаном, Грузией, землетрясением Спитака, взрывом на АЭС в Чернобыле...

Но Пяндж — явный символ повествования — так же энергично и возвращает нас, прочитавших книгу, в нынешнюю действительность. Возвращает поумневшими и более опытными. «Трехсотые» — раненые и получившие увечья — мы возвращаемся к себе, а «двухсотые» — погибшие — остались «там, за речкой» навсегда. Но и вернувшиеся — тоже до конца не вернулись: незабываемые кошмары остаются с теми, кто воевал, на всю последующую жизнь. Пяндж — это тот смысл, тот нравственный отчет перед собой и другими, в котором впоследствии не забудутся горы Ичкерии и разрушенный Грозный. Каждый прожил в наше время свою судьбу на войнах и на гражданке, да и «цари горы» не избежали того, что было им на роду написано. А иные, если даже им кажется, что ускользнули, — не уйдут все равно от суда совести, Высшего Суда, о чем очень по-русски в конце романа размышляет его главный герой. Так в романе Кердана экзистенция ненавязчиво становится эсхатологией.

Чеченские военные действия, находчивость, а по сути, подвиг Бора на блокпосте, за который он не то что орден или медаль, положенные за героизм, не получил, но и сам оказался в зиндане и едва не угодил под суд наподобие тех горемык, которых сам же и освобождал накануне... Реальные сюжеты и случаи на страницах романа расставляют все точки над «i». А когда все расставлено правдиво и по местам, текст легче и с доверием читается. Мало того, прочитывается и подтекст романа — то, что не сказано прямо. Потому что говорить

назидательно — не лучшая возможность высказаться до конца.

Закрыв последнюю страницу романа, читатель уже не сможет оставаться прежним. Не сможет жить, не соотнося себя ни с хлебнувшим судьбы-кручины полковником Виктором Борисовым, ни с жизнью баловня судьбы Николая Царедворцева, ни с членами редакции журнала «Рассвет», ни с протестующими против строительства православного храма в Екатеринбурге горожанами. Он не сможет не считаться с их доводами, с их правдой, с их жизнями, так колоритно изображенными автором.

Книгу дополняют рассказы. Они — как бы послесловие и одновременно, если судить по времени их написания, предтеча романа. Разнообразные по тематике, сюжетам, настроению, одни — с юмором, другие — с сарказмом. Иные — с той сердечной русской печалью за оболганную теперь страну и соотечественников. Их поймут и оценят все читатели, даже те, которым повезло не мотаться по гарнизонам и военным госпиталям. Повезло не участвовать в заминировании афганских дорог, уступов, проходов и лазов. Повезло не столкнуться с «двойной правдой» жизни, с судом чеченских старейшин, продажных военных прокуроров и дознавателей...

Особенность прозы Александра Кердана такова, что, погружаясь в нее, не замечаешь, как из рецензента или критика исподволь превращаешься в самого заинтересованного и увлеченного читателя. И здесь опять вспоминаются слова великих о литературе и о правде. Без правды и опыта писателя нет ни хорошей увлекательной книги, ни убедительной удачи. И в этом смысле правде жизни у Кердана стоит поучиться многим нынешним писателям. Нет сомнений, что его будущие прозаические произведения порадуют вдумчивого читателя ничуть не меньше, чем книга «Царь горы».

